

УДК 8; 1751

UDC 8;1751

10.00.00 Филологические науки

Philology

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЕРБАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КИНЕМ В
ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**LINGUOPRAGMATIC ASPECTS OF KINEME
VERBAL REPRESENTATION IN FICTION
LANGUAGE**

Кобзева Ольга Владимировна
к.филол.н, доцент
РИНЦ Author ID: 657534
*Московский институт путей сообщения,
юридический институт, Москва, Россия*

Kobzeva Olga Vladimirovna
Cand.Phil.Sci., associate professor
RSCI Author ID: 657534
*Moscow Institute of Communications, Law Institute,
Moscow, Russia*

Вандышева Анна Валентиновна
к.филол.н, доцент
РИНЦ SPIN-код: 7914-7622
*Кубанский государственный технологический
университет, Краснодар, Россия*

Vandyшева Anna Valentinovna
Cand.Phil.Sci., associate professor
RSCI SPIN-code: 7914-7622
*Kuban State Technological University, Krasnodar,
Russia*

В данной статье рассматриваются лингвопрагматические проблемы вербальных репрезентаций кинем в пространстве художественного текста. Авторы раскрывают содержание понятий «иллокутивная сила речевого акта», а также «перформативное высказывание», которые получают все более широкое распространение в рамках прагматической теории, ядром которой явилась теория речевых актов. Авторы акцентируют внимание на кинемы, которые используются в сопровождении вербального высказывания. Во-первых, они служат дополнением к вербальной части, выступая в качестве показателя иллокутивной силы речевого акта. Во-вторых, кинемы дублируют информацию вербальной реплики, участвуя вместе с вербальной частью высказывания в создании иллокутивной функции речевого акта. Основное внимание авторы обращают на кинемы без вербальной реплики, т.к. именно они несут на себе весь «информационный груз», выступая при этом в качестве показателя иллокутивной цели речевых актов. Кроме того, кинемы, как и любые знаки, подвергаются изменениям под воздействием социально-экономических и культурных условий и передают национально-специфические и универсальные компоненты русской и французской кинесических систем. Данные свойства актуализируются в межкультурной коммуникации, в связи со сложностью интерпретации объекта означивания и установления знаковой аналогии

In this article the linguistic-pragmatic problems of kineme verbal representation in literary text space are examined. The authors interpret the concepts of "speech act illocutionary force" and "performative utterance", which are becoming more widespread within the frame of pragmatic theory, speech act theory being the very core of it. The authors emphasize the kinemes which are used attended by verbal utterance. First, they complement verbal part, serving as speech act illocutionary force marker. Secondly, kinemes duplicate verbal utterance information and together with verbal part of the utterance create speech act illocutionary force. The authors draw special attention to non-verbal kinemes as they carry the entire "message", serving as speech act illocutionary goal markers. In addition, kinemes as any other signs undergo alterations under social and economic, cultural conditions and convey culture-specific and universal concepts of Russian and French kinesics systems. These characteristics are foregrounded in cross-cultural communication, in connection with complexity of denotation object construal and sign-oriented similarity establishment

Ключевые слова: ПЕРФОРМАТИВНОЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ИЛЛОКУЦИЯ,
ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КИНЕМЫ,
НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ,
ПРАГМАТИКА, ФУНКЦИИ ВЕРБАЛЬНОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КИНЕМЫ

Keywords: PERFORMATIVE UTTERANCE,
ILLOCUTION, KINEME VERBAL
REPRESENTATION, NONVERBAL
COMMUNICATION, PRAGMATICS, KINEME
VERBAL REPRESENTATION FUNCTIONS

Прагматика, как известно, изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации. Как отмечал Ч. Моррис, «интерпретаторами большинства, а может быть и всех знаков являются живые организмы. Достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, т.е. со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [8:65].

Данная характеристика была достаточна только для построения общей теории семиотики. Как самостоятельная ветвь прагматика, в частности, лингвистическая, появилась благодаря философским работам Л. Витгенштейна. Он был занят прямыми наблюдениями за жизнью языка и экспериментами по соединению высказываний с ситуациями, допускающими их употребление. Л. Витгенштейн понимал трудность вербализации того, что таят в себе неясно различимые глубины жизни, воспринятые им через призму обыденной речи.

Процесс реального общения инициируется, по мнению М.Л. Макарова, нежеланием человека передать мысль или информацию, но его желанием сделать понятными собеседнику свои намерения [7:280]. Проблема распознавания намерений была поставлена Г.П. Грайсом в рамках прагматической теории, ядром которой явилась теория речевых актов. Таким образом, распознавание намерения говорящего возможно благодаря распознаванию иллокутивной силы речевого акта, в осуществлении которого принимают участие невербальные компоненты коммуникации.

Фактором, положившим начало теории речевых актов, было обнаруженное Дж. Остином существование перформативных предложений. Внимание Дж. Остина привлекли свойства некоторых глаголов, а именно: их способность обозначать то или иное речевое действие [9: 346]. Так, высказывание *Je te promets de venir à 2 heures* (Я

обещаю тебе прийти в два часа) - это не просто утверждение (констатив), а осуществление обещания; высказывание *Je vous prie de venir un peu plus tard* (Я прошу Вас прийти немного попозже) - просьба, а *Je vous conseille de vous adresser au spécialiste* (Я прошу Вас обратиться к специалисту) - совет.

Такие глаголы получили название перформативных. Таким образом, действие может совершаться через перформативное высказывание, другими словами, перформатив равносильен действию.

Вместе с тем, некоторые глаголы не предполагают информативного употребления. Так, не являются перформативами глаголы «угрожать», «презирать», «оскорблять». В разговорной речи редко можно услышать что-либо вроде: «Я тебе угрожаю», «Я тебя презираю», или «Я тебя оскорбляю». Однако, наговорив человеку оскорбительных слов, можно его тем самым и оскорбить, и выразить свое презрение. В условиях непосредственного общения, - и это важно отметить, - высказывания становятся перформативными не только в результате эксплицитной формулировки, но и благодаря невербальным средствам:

- *Ah, dit M. Thibault en levant les poings, il y a des jours où il est comme possédé.*

Перевод: А,- сказал М. Тибо подняв кулаки, - бывают дни, когда он ведет себя как одержимый! [13:289].

В примере вербальная реплика персонажа господина Тибо представляет собой восклицание: «Аа!» и сопровождается жестом *lever les poings* (поднять кулаки / трясти кулаками). Данная ВРК (вербальная репрезентация) имеет значение: «грозить, угрожать; гневаться». То есть, благодаря жесту высказывание господина Тибо становится перформативным: высказывание равносильно угрозе.

В то же время, очевидно, что как таковые, невербальные действия сами являются перформативами: при их исполнении коммуникант действует, а не

говорит [3:277]. Так, ВРК *se détourner / détourner la tête* (отворачиваться / отворачивать голову) и мимическое движение *ricaner* (ухмыльнуться) в определенной ситуации рассматриваются как оскорбление или даже презрение. А ВРК *poser son index sur ses lèvres* (приложить палец к губам) представляет собой просьбу сохранить некоторую информацию в тайне.

Визуальное поведение человека в ситуации общения является чрезвычайно информативным и значимым. «Когда глаза говорят одно, а язык - другое, - пишет американский философ и писатель Ральф В. Эмерсон, - опытный человек больше полагается на глаза». С помощью взгляда можно, как известно, «убить», унижить, оскорбить человека, приказать ему что-либо сделать и т. д. Иначе говоря, взгляд - это акт, нацеленный на реализацию некоторого коммуникативного намерения [5:185].

-Vous n'avez qu'a me dire ce que je dois faire. Surtout, n'avez pas peur que je vous attire des ennuis! J'ai tellement l'habitude de me taire! Son regard suppliait. [13:112].

Перевод: Вы только мне скажите, что я должен делать. Не бойтесь, что я могу доставить вам неприятности! Я буду молчать! Его взгляд умолял.

Кстати, исключительно невербальным путем могут осуществляться акты, имеющие отношение к категории вежливости. Невербальными иллюкутивными актами являются, к примеру: акты приветствия, прощания, благодарности и т.д. [8, с.188].

Например:

- Нет, не то. Я никогда не перестану тебя любить, и больше любить нельзя; а это особенно... Ну, да... - он не договорил, потому что встретившийся взгляд их договорил остальное. [11:280].

- Пришедший подмигнул Ивану, спрятал в карман связку ключей, шёпотом осведомился: "Можно присесть?" — и, получив утвердительный кивок, поместился в кресле [1:447].

Таким образом, примеры свидетельствуют о том, что невербальное действие способно заменить вербальную реплику. Если невербальные средства используются без вербальной реплики, то именно они несут на себе весь «информационный груз», выступая в качестве показателя иллокутивной цели речевого акта. Перефразируя название известного труда Дж. Остина «Слово как действие», можно говорить в данном случае о «действии как слове». Невербальное действие при этом обладает пропозицией - значением и иллокуцией.

Рассмотрим теперь случай, когда невербальное действие используется в сопровождении вербальной реплики.

Например:

- *Что я могу сказать? – печально качая головой, молвила она и бессильным жестом развела руки* [1:15].

- *Что же? Это стихи очень милые! – всплеснула руками Марья Денисовна. – Даже очень милые! Чем не стихи?* [12: 384].

Известно, что, производя иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т.п., касающееся этого пропозиционального содержания [8:222].

Как показывают примеры, невербальные средства могут дублировать информацию вербальной реплики, участвуя вместе с ней в создании иллокутивной функции речевого акта. При этом обе части речевого акта выражают одну и ту же пропозицию и иллокуцию. Следует отметить, однако, что подобных примеров в нашем корпусе насчитывается незначительное количество. Мы полагаем, что это связано с действием принципа «экономии усилий»[7:25].

Человеческая деятельность характеризуется тенденцией к экономии усилий. Принцип «экономии усилий» действует также в процессе

коммуникации как одном из видов деятельности. Он состоит в стремлении человека снимать всё избыточное, дублирующее [2:179].

Следует отметить, что смысл, который несут с собой невербальные средства, может противоречить содержанию речевого высказывания. В этом случае именно жесты и мимика передают действительное отношение коммуниканта к ситуации [1:47]. Кроме того, они являются более эффективным средством воздействия на собеседника, чем вербальные средства:

(8)- *Ничего подобного!* – вскричал Андрей... - *Я никуда не пойду. Или ты собираешься меня арестовать?* – Он **видел по носу** жандарма, что тот не имел полномочий на арест» [10:208].

В примере (8), рассказчик полагает, что простой взгляд персонажа, его мимика говорят красноречивее, чем могли бы сказать его слова.

Вместе с тем, примеры из художественных текстов свидетельствуют о противоречии, которое может возникнуть при определении принадлежности невербального акта к тому или иному типу иллокутивных актов, то есть при реализации одного и того же невербального действия:

(9)- *Cette fois, pas d'hésitation je t'offre le voyage de Rome.*

Marie esquissa un sourire, pour le remercier de l'intention, mais ce sourire valait une moue. La saison est bien avancée [13:22].

Перевод: На это раз, без колебаний, я тебя приглашаю в Рим.

Мэри едва заметно улыбнулась, поблагодарив его за намерение, но эта улыбка выражала недовольство.

В примере (9) ответ Мари в виде вербальной реплики *La saison est bien avancée* («Сезон путешествий уже закончился» / «Уже позднее время года для путешествий») - это отказ от предложения совершить путешествие в Италию. С помощью мимического движения *esquisser un sourire* («едва заметно улыбнуться») она, тем не менее, желает поблагодарить мужа за самую инициативу, то есть пытается осуществить акт

благодарности. Однако ей не удается исполнить его «чисто». Слабая улыбка Мари похоже больше на мимику «надуть губы» (*ce sourire valait une moue*). Следовательно, Мари не выражает ни отказ, ни благодарность. Рассказчик видит все детали поведения персонажа и сообщает о них читателю. Благодаря его уточнению, очевидно, что Мари осуществляет акт выражения обиды и недовольства, поскольку кинема *faire la moue* («надуть губы») имеет значение «быть недовольным; испытывать обиду».

Итак, согласно теории речевых актов, распознавание намерения коммуниканта осуществляется благодаря распознаванию иллокутивной силы речевых актов, в реализации которых активное участие принимают невербальные средства. Если невербальные средства используются без вербальной реплики, то именно они несут на себе весь «информационный груз», выступая при этом в качестве показателя иллокутивной цели речевых актов. Если невербальные средства используются в сопровождении вербального высказывания, то возможны два случая их взаимодействия. Во-первых, невербальные компоненты коммуникации служат дополнением к вербальной части, выступая в качестве показателя иллокутивной силы речевого акта. Во-вторых, невербальные средства дублируют информацию вербальной реплики, участвуя вместе с вербальной частью высказывания в создании иллокутивной функции речевого акта.

Следующим важнейшим амплуа невербальной коммуникации в разговорной речи и в речи персонажей художественных произведений являются функции вербальной репрезентации кинемы (ВРК).

Интонационная функция ВРК - способность подчеркнуть определенный ритмический рисунок высказывания. В этом смысле роль ВРК схожа с ролью интонации в организации высказывания. Кинема может отмечать границы синтагм, указывать на ускорение или замедление темпа речи, подчеркивать логическое ударение (центр интенсивности). В

процессе говорения создается ритмическое единство всех средств коммуникации, так как у говорящего происходит координация тонких артикуляторных движений, необходимых для производства звуков речи, и динамичных движений, выполняемых руками, головой или ногами:

(10)- "Non! non! non!... - repondit Mistral en trappant trois fois du pied. - ça, c'est l' argent des poètes, on n' y touche pas [13:45].

Перевод: Нет, нет, нет! - ответил Мистраль, топая три раза ногой. Это деньги поэтов, их трогать нельзя.

Пример показывает, что интенсивный ритм высказывания в данной фразе создается и подчеркивается повторением однотипной интонаемы и - одновременно — повторением одной и той же кинемы (trappant du pied), в данном случае - удара ногой. Вразрез заданной интонации, человек в естественной ситуации жестикулировать не может, так как и кинетика жеста, и кинетика нашей артикуляционной базы подчиняются в момент речи единому моторному центру мозга, единому импульсу. Это и создает картину подвижной игры ускорений и замедлений, напряжений и ослаблений в разговорной речи [2:45].

(11)- "А когда возвращался Пустовалов, она рассказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами" [4:56].

Монотонность ритма прекрасно передает скандированное покачивание ребром ладони, похлопывание в ладоши, притопывание ногой, движение руки, сжатой в кулак, или описывающей в воздухе пальцем полукруг.

Несомненно, значимой можно считать экспликативную функцию ВРК. Попробуйте попросить собеседника объяснить значение, например, слов «штопор» или «рябь», не прибегая к помощи жеста. Это почти никому не удастся. Комизм здесь заключен именно в автоматической,

стереотипной реакции «подопытного»: «Ну, это... Это такое», — и дается соответствующий жест. Интересно пишет об этом Садовский:

"Совесть - понятие туманное, вроде словечка «рябь». Попробуйте объяснить словечко «рябь» - ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами".

Эффект «штопора» не такое уж редкое явление, — говорящие прибегают к этому способу пояснения достаточно часто, и без жеста могли бы попасть в затруднительное положение, особенно в тех случаях, когда этот жест возмещает недостатки лексической дифференциации [3:80].

Экспликативная функция ВРК обычно требует использования изобразительных (рисунчатых, описательных) кинем. При изображении часто выбирается наиболее выразительный элемент действия, который делается представителем всего действия. При изображении характерно и экспрессивное усиление:

(13) *"Voyez-vous, monsieur le commissaire, Chabut, - Pigout hesita - il est... Il est comme ça - et il montra avec la main une sinusoïde, en reproduisant sa prudence du serpent [13:43].*

Перевод: Вы видите, месье комиссар, Пижю колебался немного, он такой... такой как... – и он показал рукой синусоиду, изображая изворотливость змеи.

Чтобы объяснить особенности характера хитрого и изворотливого человека, коммуникант прибегает к изобразительной кинеме, чем значительно упрощает свою задачу. Кинема выполняет в данном случае функцию выделения коммуникативно-важного семантического признака, служащего признаком субъекта.

С экспликативной функцией ВРК тесно связана другая функция - уточняющая. Она дает возможность ускорить процесс понимания, не удлиняя беседу и не утомляя собеседника. Так, на вопрос где находится

выход, можно сказать: «Вниз по лестнице, потом прямо», а можно просто указать рукой - там.

В физическом плане уточняющая функция ВРК состоит в том, чтобы выделить, отметить какую-то часть пространства вокруг говорящего. При этом обычно используются жесты-указатели. В основе жеста-указателя лежит движение руки, отмечающее нужное направление, относительно какой-то неподвижной оси. Указание рукой бывает наиболее точным и конкретным и поэтому обычно предпочитается во многих ситуациях, хотя указать можно просто взглядом или кивком головы:

(14) Dis-moi donc...- Il indiqua de la tête les papiers où j' étais en train de prendre les notes... [13:23].

Перевод: Скажи мне... Он указал головой на бумаги, в которых он делал записи.

Указательные кинемы в речи сопровождаются обычно указательными местоимениями. Указательные кинемы полностью понимаются лишь в языковом контексте, почему они столь тесно спаяны с местоимением. Некоторые указания вообще можно понять лишь в связи с определенной системой представлений, с «картиной мира», отраженной в языке.

Большинство исследователей разделяют мнение, что вербальный канал используется исключительно для передачи информации, в то время как невербальный канал (жесты, мимика, движения, взгляды) применяется как бы для «обсуждения» межличностных отношений, передачи скрытых, невысказанных мыслей, а в некоторых случаях с успехом используется вместо словесных сообщений [2:43]. Интересный пример такой бессловесной передачи важнейшей для собеседников информации мы встречаем в прекрасной сказке Антуана де Сент – Экзюпери:

(15) *La Belle Rose s'est perdue, puis **toussa** un peu, pour faire sentir au Petit Prince qu 'il avail tord* [14:67].

Перевод: Прекрасная роза растерялась, затем немного кашлянула, чтобы заставить почувствовать маленького принца, что он был неправ.

Следует отметить, что как все объекты окружающей действительности, невербальная коммуникация находит свое отражение в языке произведений русской и французской художественной литературы. Письменная фиксация невербального поведения организуется таким образом, что заложенные в них импликации кинесического характера не остаются без внимания адресата. Согласно теории речевых актов, распознавание намерения коммуниканта осуществляется благодаря распознаванию иллокутивной силы речевых актов, в реализации которых активное участие принимают невербальные средства коммуникации.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Рассказы. Волго-Вятское кн. Изд-во, 1987. С. 447 .
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. М.: Вопросы языкознания. 1981 № 1.С. 47.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. С.179.
4. Горький М. Детство. М.: Худ. лит-ра, 1982. С.15.
5. Козеренко А.В., Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы. М.:Языки русской культуры. 1999. С. 277.
6. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста. М.:Индрик, 1996. С.185.
7. Кильмухаметова, Е.Ю. Невербальные средства с оценочной функцией. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.:2005. С. 25.
8. Макаров В.М. Основы теории дискурса. М.:, ИТДК Гнозис. 2003. С.280.
9. Моррис Ч. Основания теории знаков. Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 65.
10. Остин Д. Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. М.: 1986. С.346.
11. Серль, Д. Косвенные речевые акты. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С.188.
12. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. Война и мир. Ленинград. Худ. лит-ра, 1983. С. 180.
13. Чехов А.П. Рассказы «Юбилей». М.: Сов. Россия, 1985. С.384.
14. Sagan Françoise. Aimez- vous Brahms? «TSITADEI» 2001. С.112.
15. Saint- Exupery, A. Le petit prince. М.: Radouga, 1983. С.544.

References

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita. Rasskazy. Volgo-Vyatskoe kn. Izd-vo, 1987. S. 447 .

2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. M.: Voprosy yazykoznanija. 1981 № 1. S. 47.
3. Gorelov I.N. Neverbal'nye komponenty kommunikacii. M.: Nauka, 1980. S.179.
4. Gor'kij M. Detstvo. M.: Hud. lit-ra, 1982. S.15.
5. Kozerenko A.V., Krejdlin G.E. Russkie zhesty i zhestovye frazeologizmy. M.: YAzyki russkoj kul'tury. 1999. S. 277.
6. Krejdlin G.E. Nacional'noe i universal'noe v semantike zhesta. M.: Indrik, 1996. S.185.
7. Kilmuhametova E.J. Nonverbal means to merit function. Abstract of dissertation for the degree of candidate of philological sciences. M ..: 2005. S. 25.
8. Makarov V.M. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDK Gnozis. 2003. S.280.
9. Morris CH. Osnovaniya teorii znakov. Semiotika. M.: Raduga, 1983. S. 65.
10. Ostin D. Slovo kak dejstvie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M.: 1986. S.346.
11. Serl', D. Kosvennye rechevye akty. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. M.: Progress, 1986. S.188.
12. Tolstoj L.N. Smert' Ivana Il'icha. Vojna i mir. Leningrad. Hud. lit-ra, 1983. S. 180.
13. Chekhov A.P. Rasskazy «Yubilej». M.: Sov. Rossiya, 1985. S.384.
14. Sagan Fraçoise. Aimez- vous Brahms? «TSITADEI» 2001. S.112.
15. Saint- Exupery, A. Le petit prince. M.: Radouga, 1983. S.544.